

«Связь меня многократно
грозилась,
Чистый звук
в ваших душах летел».

МЫ МНОГОЕ ИЗ НИМИЖЕН

В одной из книг Андрея Белого («Начало века»), которую читал Высоцкий, есть такие строки: «Я рисую людей такими, какими они мне, да и себе, казались... Было бессмысленно подсочинять в эти дни исеченое их развития начало пути их; это значит, сочинять факты, которые не имели места, молчать о фактах, имевших место. В основу этих воспоминаний кладу и сырье: факты, факты и факты...»

Считаю, что будет правильным взять за основу наших размышлений о Владимире Высоцком именно эту мысль.

Передо мной фотография, сделанная в начале 70-х годов: Таганская площадь в Москве, на углу площади: небольшое здание театра, фасад и боковая сторона которого нестремно цитами из сурового холста с названиями спектаклей: «Добрый человек из Сезуана», «10 дней, которые потрясли мир», «Что делать?», «Пугачев», «Гамлет»... Каждый спектакль тогда был как открытие театром давно знакомой и любимой литературы, každодневных книг, мимо которых мы иной раз проходим, не замечая и не вникая в их содержание. Театр на Таганке сумел дать этим книгам вторую, другую жизнь. И больше закономерен, нежели случайна сам факт появления в этом театре выпускника школы-студии МХАТ Владимира Высоцкого. Воспитанный с малых лет на книгах, которых перечитал во множестве, он пришелся очень кстати таганской театральной сцене, и она, эта сцена, воздала ему за тот, судьбой определенной приход сторичей.

В ноябре 1967 года на сцене Театра драмы и комедии на Таганке состоялась премьера: спектакль по драматической поэме С. Есенина «Пугачев». Факт этот был примечателен еще и тем, что в далекие 20-е годы сам поэт принимал участие в осуществлении сценического воплощения своей поэмы в театре, руководил которым В. Э. Мейерхольд. Однако режиссеру Мейерхольду так и не удалось по ряду причин воплотить сюжет есенинской поэмы на сцене. И вот, почти полвека спустя, герои этой поэмы предстали перед московским зрителем в свете

театральной раппы. Немаловажно было и то, что помогал осуществить постановку современник и друг Есенина — поэт и драматург Н. Р. Эрдман и, конечно же, всем участникам спектакля очень помогало сохранившееся в записи чтение монолога Хлопуши самим Есениным. Вспомним, что когда Горький впервые услышал от поэта (при личной встрече) чтение этого монолога, то ему, по его собственным словам, «рыдать хотелось».

В ту пору я уже занимался изучением творчества Есенина и мне очень хотелось попасть в Театр на Таганку, чтобы увидеть «Пугачева». Удалось это сделать осенью 1968 года. Тогда-то я впервые и увидел Владимира Высоцкого, который был первым исполнителем роли каторжника Хлопуши. Чувствовалось, что ему очень хотелось сохранить в спектакле эмоциональную стихию есенинского поэтического слова. Год за годом я смотрел десятки раз «Пугачева» на таганской сцене и видел, как мукает, взрослеет, драматизируется образ Хлопуши в исполнении Высоцкого. Думаю, что актер отдавал исполнению этой роли не меньше сил, нежели в спектаклях «Гамлет» или «Жизнь Галилея». Много повидавший на своем веку Николай Робертович Эрдман все внимательнее приглядывался к Высоцкому, признавшись однажды режиссеру: «Этот в-ваш В-высоцкий — черт знает что такое!» (Эрдман с молодых лет немного заикался. — А. К.). И в этом восторженно-удивленном восклицании звучала интонация признания старым мастером молодого таланта Как-то, на одной из репетиций «Пугачева», произошел такой диалог между Эрдманом и Высоцким:

Высоцкий: Николай Робертович, а вы пишете что-нибудь сейчас — сценарий, пьесу там или прозу?

Эрдман: А в-вы, Володя?

Высоцкий: Я пишу. Только на магнитофоны.

Эрдман: А я, В-володя, — на века...

Высоцкий: Да и я в общем-то, Николай Робертович, тоже пишу на эти в-века.

Эрдман: Как-косьтесь, В-володя, как-косьтесь, у вас получается...

Как мы уже сообщали в № 35 от 29 августа 1986 года, в 1987 году в издательстве «Музыка» выходит тиражом в 100 тысяч экземпляров сборник В. Высоцкого «Песни». В 1988 году издательство «Советский писатель» выпускает «Избранное» поэта, в издательство «Книга» — миниатюрное издание стихов и песен В. Высоцкого. После этого в редакцию пришло много писем, в которых наши адресанты просят рассказать о Высоцком как о читателе. Вот одно из них:

Дорогая редакция!

Я учусь в десятом классе. Недавно у нас прошел классный час, посвященный Владимиру Высоцкому. Мы слушали его песни, читали стихи. Я для себя открыл еще одну сторону В. Высоцкого — его поэзию. Хотел попросить книжку с его стихами, но хозяйка ее не дала. Да и книга была в единст-

венном экземпляре — отпечатанная на машинке. Не могли бы вы рассказать на страницах «КО» о Владимире Высоцком, о его библиотеке, любимых книгах и писателях. Думаю, к моей просьбе присоединятся многие читатели вашего еженедельника.

Владимир СИВХО.

г. Камышин Волгоградской области.

Просьбу десятиклассника поддерживают и рабочие из Харькова, приславшие коллективное письмо с 37 подписями.

В последнем номере уходящего года, отвечая на просьбы читателей, мы публикуем исследование литературоведа Алесия Казакова о Владимире Высоцком как читателе. Редакция обращается к вам, уважаемые читатели: о каких еще замечательных людях, которые могут служить примером плодотворной работы с книгой, вы хотели бы прочесть на страницах нашего еженедельника?

Эти слова Высоцкого запомнились. А вспомнились еще раз тогда, когда я увидел в его домашней библиотеке сборники стихов Сергея Есенина. Но, кроме Есенина, Высоцкого интересовал и Николай Клюев, чей былинный стих, гоголевский красота и бытовой уклад северного края России, занимал воображение Владимира Семеновича. Клюев, Лесков, Мельников-Печерский много дали Высоцкому в плане языкового обогащения, постижения народного речения. Книжки этих авторов были прочитаны и изучены, Владимир Семенович не раз обращался к ним (позже он обратился к произведениям Писемского, Левитова, Слепцова).

Интересна история появления в библиотеке Высоцкого собрания сочинений П. И. Мельникова (Андрея Печерского) в 8-ми томах (приложение к журналу «Огонек»). Однажды, было это в 1976 году, Высоцкий увидел в доме своего товарища по театру Ивана Бортника именно это собрание книг. «А я и не знал, что Мельников так много написал...», — удивился он вслух. Но Высоцкий хорошо знал составителя этого собрания, известного литературоведа М. П. Еремину, который входил в художественный совет театра. При встрече с Ереминым Высоцкий попросил помочь достать ему этот 8-томник. Михаил Павлович тогда дал Высоцкому собрание Мельникова, подписав на первом томе поэтесский экскрипт в стиле В. Жуковского, последняя строка которого гласила: «...Высоцкий — слава наших дней!» Владимир Семенович не остался в долгу, отдавая Еремину своим новым диском, оставив надпись на конверте: «Дорогому Михаилу Павловичу с любовью и благодарностью, но в прозе. В. Высоцкий».

Спустя некоторое время литературовед и поэт встретились вновь. Еремин рассказывал о своей новой книге «Пушкин-публицист», а Высоцкий прочитал ему впервые свое стихотворение «Памятник» («Я при жизни был рослым и стройным...»). Затем, когда уже прощались, Владимир Семенович вдруг обронил: «А вы знаете, Михаил Павлович, идею своей песни «Кони причердливые» я заимчал у Мельникова-Печерского. Помните, «На горах» — есть там такая сцена: едут на конях лесом, вдруг лес загорается, и кони выносятся, спасают людей...»

Всю эту историю мне рассказал недавно сам Михаил Павлович. Рассказал и добавил: «Особенно Владимир Семенович ценит у Мельникова его историческую хроникку «Белые голуби», читал и часто вспоминал в разговорах».

Думаю, что «Кони причердливые» во многом были навеяны и романсовой поэзией Аполлона Григорьева, стихи которого Высоцкий знал и читал наизусть. Не случайно, что один из вариантов «Коней...» так и назывался «Цыганская песня» — как прямое подражание Григорьеву. Однако прав и Давид Самойлов (один из авторов поэтического представления на Таганке «Павшие и живые», где Высоцкий играл сразу несколько ролей), считающий, что «Поэтика Высоцкого шире поэтики городского романа. В ней слышны некрасовская и есенинская традиции, отголоски Северянина, гражданский накал Маяковского. И выучка у баллады двадцатых

годов. Новаторство Высоцкого основано на широкой базе русской поэтической культуры, от романтизма до двадцатого века. Язык его песен остроен на сочетании романтически высокого стиля с современным метробским просторечием».

Поэтический раздел библиотеки Высоцкого — от Пушкина до Блока, Есенина, Маяковского, Кулычкиного, Гудзенко, Ахматовой и Цветаевой, Мандельштама и Северянина (называя в том порядке, как книги стоят на полках) и, конечно, современники: Окуджавы, Бутушиной, Вознесенский, Ахмадулина, Слуцкий... Современная проза представлена у Высоцкого в основном именами авторов Театра на Таганке: Борис Можжевель, Юрий Трифонов, Фазиль Искандер, Федор Абрамов, Григорий Бакланов, Юрий Нарьякин...

Книга органично помогла, способствовала Высоцкому в его напряженной работе в театре (да и в кино тоже). Ведь кино с книгой взаимодействовали ярче сценические образы в исполнении Высоцкого. Другое дело, что Высоцкий как актер развивал, дополнял, уточнял на сцене

